

Памяти Юрия Александровича Левады

В любом деле есть авторитеты. Но крайне редко в сообществе бывает кто-то, чей авторитет – неоспорим, репутация – несомненна, лидерство – бесспорно. В российской социологии так было. До черного четверга, 16 ноября 2006 года. В этот день умер Юрий Александрович Левада. За рабочим столом.

Его верность идеалам социологии как науке советская власть испытывала гонениями, но он стал Легендой и Учителем. Его интеллект и глубокое понимание постсоветской социальной реальности привели к разочарованиям, но превратили в Гуру, чей негромкий голос нельзя было ни спутать, ни игнорировать.

Я знал его примерно пять лет. Знал в том смысле, что слушал и говорил с ним. Это было двадцать лет назад, когда я – технарь-программист – не мог понять его. Как и он меня. Ровно пятнадцать лет назад он сказал мне об этом. С тех пор его голос я слышал только через тексты. Слышал, потому что слушал. Все это время я шел “от мнений к пониманию”, к социологии. И – подспудно – к прерванному разговору. Еще вчера возможно было возобновить его. Но не сегодня. И уже никогда...

Простите, Юрий Александрович!

Александр Ослон

Редакция попросила известного российского социолога, профессора Владимира Александровича Ядова рассказать о Юрии Александровиче Леваде как ученом и человеке, об истории их знакомства. Публикуем полученный ответ

Мы познакомились с Юрием Левадой во второй половине 60-х годов в московском Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ), где поначалу собрались наиболее мыслящие, но знающие о социологии с пятого на десятое люди. Поэтому для тех, кто пришел в институт, крайне важны были объявленные там два-три семинара. Семинар Левады обычно был переполнен, так как на нем обсуждались ключевые вопросы социологии как области знания. Помню, как бурно обсуждалась на семинаре проблема законов функционирования общества, поскольку истмат утверждал лишь закономерности развития. В ИКСИ Левада возглавлял сектор. Тогда же он читал лекции в МГУ, за которые потом, после выхода книги по этим лекци-

В. А. Ядов (слева) и Ю. А. Левада (справа), 2000 г.

ям, подвергся партразбирательству. Его написанная в те годы основательная книга по социологии религии была блестяща.

Левада выделялся из компании институтских руководителей лишь своей крупной фигурой. Он не важничал, помалкивал на партсобраниях, не ухлестывал за девушками (здесь лидировали Бурлацкий и Шляпентох), но всегда находил время поговорить по существу и порекомендовать нужную публикацию. В институте существовал своего рода дружеский круг нескольких социологов, куда входил и я. Собирались для разговоров в каком-нибудь кабинете за чашкой кофе, никогда со спиртным, и обсуждали замыслы планируемых исследований. Иногда тогдашний директор Алексей Матвеевич Румянцев устраивал свой семинар. Помню, на одном из таких семинаров он сказал: “Подумайте над вопросом: все формации создавались исторически естественным путем, и лишь одна – иначе”. Такова была атмосфера в ИКСИ, где Левада со

своим отделом процветал и притягивал массу других сотрудников.

С появлением Руткевича, нового директора института, мы собирались по-прежнему, но треть времени уходила на выработку тактики борьбы с “Бульдозером” (термин Грушина). Левада вынужден был уйти, Грушин ушел, Шубкин заявил, что Руткевичу надо бы командовать штрафбатом, а не директорствовать, и т. д. Я работал в питерском филиале института и стал реже бы-

вать в московском институте.

Если говорить о школе Левады, то это скорее его команда во ВЦИОМе или нынешнем Левада-Центре. Он постоянно проводил теоретические семинары, приглашая на них и других ученых. Не пользовался отпуском, не заботил-

ся о своем здоровье, хотя Татьяна Заславская в последнее время настаивала на том, чтобы он обследовался.

Мы дружили, и Юрий был верным другом. Немедля согласился войти в ученый совет Института социологии, когда я был директором-организатором института. Не помню случая, чтобы он отказал в помощи, какая бы она ни была. С моим водителем Наташей был дружен, как и со мной. В отличие от некоторых интеллигентов никогда не допускал нецензурщины.

Если бы не добровольно взятая на себя обязанность писать передовицу в каждый номер выпускаемого им журнала, Левада за последние годы помимо книги “Советский простой человек”, помимо сборников своих публикаций, уверен, издал бы что-то монографическое, ибо всегда перелопачивал множество книг и размышлял.

Мы потеряли настоящего интеллигента-гражданина, выдающегося ученого и человека, который был безотказным другом. ■